

к 556

4 ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ

МОСКВА, НОЯБРЬ 1925 г.

№ 42 (152)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Цена 12 коп.

КРОКОДИЛ

Рис. К. Ротова.

НА ПОДЪЕМЕ.

В МУКАХ ТВОРЧЕСТВА.

В сизых облаках дыма, согнувшись над столом и приклеившись к стенам, сидело и стояло человек восемь.

На лицах всех были написаны такая скорбь, мука и напряжение, что трудно было решить: растратчики ли это перед судом, или это комиссия по организации чьих-то похорон.

— Главное — первую страницу придумать. А там уже легко. Надо, чтобы остро и оригинально.

И завхуд нервно дернул носом:

— Восьмая годовщина... Восьмая... Восьмая... Что бы тут с цифрой восемь сделать? А?

— Ну, да! Ну, да! — засуетился нервный, восторженный Пушкив. — Тема уже есть. Надо нарисовать восьмиугольник...

— Ну?

— Восьмиугольник... и в каждом углу что-нибудь такое... подходящее.

— Ну? И вы думаете, что это будет смешно и оригинально?

— Что значит — смешно? Я вовсе и не хочу смеяться. Не такая это тема, чтобы смеяться.

— Ну, и предложите ваш восьмиугольник какому-нибудь «Вестнику геометрии». У нас — сатирический журнал. Поняли?

Пушков на секунду угас, но вдруг загорелся вновь:

— К чорту восьмиугольник! Надо использовать вот какую восьмерку: знаете, на велосипеде делают? И вот, понимаете, нарисовать велосипед, а на велосипеде... на велосипеде...

Руки Пушкива изрезали восьмерками весь воздух:

— А на велосипеде там, кого-нибудь... крестьянина, например...

— Ну?

— Ну, и он делает восьмерки! Разве плохо? Внизу подписать что-нибудь остроумное... Впрочем, можно ведь и на тракторе восьмерки делать...

Ехидный Бессонов, страдающий сердцебиениями, досадливо потер лоб:

— Вас бы на этот трактор посадить, Пушкив!

— Зачем меня? Я предлагаю — крестьянина. И, понимаете, он делает восьмерки — а сзади у него — восьмиполье. А? Прекрасная тема!

Пушковский восторг утонул в общем мрачном молчании.

— Нельзя ли восьмушку использовать?.. Восьмушку махорки, например...

Теперь как раз махорочный голод... — прозвучал чей-то безнадежный бас.

И новые облака дыма взвились под потолок.

— Все-таки это еще что-то не то, — деликатно заметил завхуд. — Чего-то еще нехватает. Может-быть, так сделать: изобразить крендель в виде восьмерки... а из кренделя...

— Ну?

— Ну, кто-нибудь там выглядывает. И подпись, конечно.

Ехидный Бессонов вновь не утерпел:

— Ну, уж раз до кренделей додумались — это уж крышка! «Я не Спиноза какой-нибудь, чтобы выписывать ногами кренделя!». Чорт вас дерит! Нужна тема смешная, острая, актуальная... а они застряли на этой восьмерке!

— Ну, предложите что-нибудь! Критиковать-то легко!

— Нарисуйте паровоз...

— Был уже. Сто раз был. И в прошлом и в запрошлом...

— Ну, тогда так: красноармеец и буржуй. И буржуй спрашивает: — Какой тебе годик? — Восьмой миновал.

— Было уже. И не восьмой, а шестой! И было!

— Так что же что было? И повторить можно!

— Что же вы так и будете без конца повторять? Какой тебе годик? — Сорок четвертый миновал. Да?

— Ну, нарисуйте тогда земной шар, а на нем...

— Было. Сто раз было. И у нас и везде. И в прошлом и в запрошлом...

— Ну, тогда рабочего и крестьянина нарисовать...

— А под ними остроумный разговор? Было! Было! Было!

— Тогда нарисовать границу...

— А на ней красноармеец со штыком? А сбоку иностранные капиталисты?

— Да! Откуда вы знаете?

Рис. К. Р.

— Да было это! Везде было! И в прошлом и пять лет назад!

— Тогда нужно в бытовом разрезе. Например, сидит в комнате такой жирный буржуй...

— И смотрит на календарь? Да? Было это! И в прошлом и в запрошлом... Критикует других, а сам ничего придумать не может. Молчал бы уж.

Бессонов притих после короткого возбуждения. Притихли и остальные.

И только один завхуд еще подавал признаки жизни:

— Товарищи, вы все-таки думайте. Надо же первую страницу найти. Нельзя же без первой страницы.

Два часа спустя в табачном дыме с трудом можно было разглядеть лица и фигуры людей.

И от усталости хриплый до шопота, но все еще восторженный, звучал голос Пушкива:

— А что если так: стоит рабочий, а за ним нарисовать восемь крестьянок. И подпись: — «Восемь девок — один я, — куда девки — туда я».

Вас. Лебедев-Кумач.

ПАРТ-ЭТИКА.

У партизана Дрогова,
Человека строгого,
Вписана парт-этика
Не для этикетика.

На собраниях партии
Дрогов пишет хартии:

— Всем, кто «разлагается»,
Это... воспрещается!..

Раз в квартиру Дрогова,
Без раздумья многого,
По ячейке (кстати ли?)
Прибыли приятели.

Встали перед киотами,
Пред роялью с нотами,
Перед клеткой с кенаром,
Пред болонкой с тенором.

Грамофон с «Достойною»,
Дама с ножкой стройною,
Зеркала, косметика...
— «Где же тут... парт-этика?!...»

Молвил Дрогов: — «Бросьте-ка!..

Я не пачкал хвостика...
Пуфы... Этажерочки... —

Все золовки Верочки.

Шкаф... Графины... Вилочки... —
То супруги, Милочки..

А икона — тещина...
Значит, мне... все прощено!..»

М. Андр.

НАУЧНАЯ ПОДГОТОВКА.

— Поздравь!—еду. Мобилизовали в деревню. Работы—уйма. Невпроворот. Кстати, скажи, пожалуйста: ты не знаешь, что значит «кае»?

— Какое—«кае»?

— Как — какое? Обыкновенное! Тае и кае!

— Кайо—он вроде министра финансов во Франции как-будто, а насчет Тайо — не слышал. Может, японец?

— Эх, ты, интеллигент прогневший! Кае и тае—это самые употребительные в деревне слова. А я не знаю, что они значат. И еще—посконный и обжи? Не знаешь?

Я покачал головой в знак того, что мои познания крайне ограничены. Трошин посмотрел на меня с сожалением:

— Вот и все мы так! Даже стыдно. Ну, ладно, пока! Я пошел.

Этот разговор происходил у нас с месяц тому назад. Трошина я не видел и думал, что он уже уехал в деревню. И вдруг вчера приходит, поправившийся, раздобревший.

— Что, вернулся уже?

— Откуда, к дьяволу, вернулся? Еще не ездил!

— Чего ж ты сидишь?

— А ты думаешь, это так просто,— тяп-ляп и поехал? Я серьезно готовлюсь. Книжки собираю, читаю, знакомлюсь... Кстати, ты про «кае» не узнал?

— На чорта тебе это «кае» сдалось? И слова-то такого нет...

— Хорошенькое дело! Для тебя нет, потому что ты в городе сидишь... А вот еще, прочитай.

И он протянул замусленную бумажку, на которой его рукой было написано:

«Я яму ка, а ен мине—ку».

— Ну!?

— Нечего — «ну», ты скажи, что это значит?

— Ничего это не значит и значить не может! Откуда ты выдрал?

— Из книжки из одной. Про мужиков там написано. Это мужики так говорят, а что значит — не знаю. И про «кае» никто не знает. Посконный—это рубаха, обжи—это у сохи, а где «кае» и зачем какая-то яма, «ку» какое-то и в конце «ка», почему, окончательно не понимаю.

В голосе его звучал трагический над-рыв.

— Да плюнь ты на эту ерунду...

— Хорошо тебе—«ерунда, ерунда», а мне какво! — вскипел Трошин: — представь себе,—деревенский сход. Тысячи мужиков,—средняки там, кулаки, бедняки, незаможные, незалежные и прочие семьи красноармейцев. Я произношу речь. Бедняки за меня, середняки колеблются, кулаки ожесточенно выступают против. Ведь теперь, брат, оживление, это тебе не девятнадцатый год. И вдруг—кулак мне говорит в качестве сокрушительного довода—«кае»!!! Что я ему на это отвечу? Не могу же я ему бессмысленно бухнуть «ку», «ту» или «лу» какую-нибудь? А вдруг это будет значить, что я с ним согласен? Тогда что? Не могу же я подрывать доверие к партии и советской власти у широких масс трудящихся деревни! Не имею права даже! Ну, пока!

Трошин выкатился из комнаты и побежал узнавать про «кае» и про другие необходимые деревенскому работнику вещи.

Кажется, бегаёт и сейчас.

В. П.

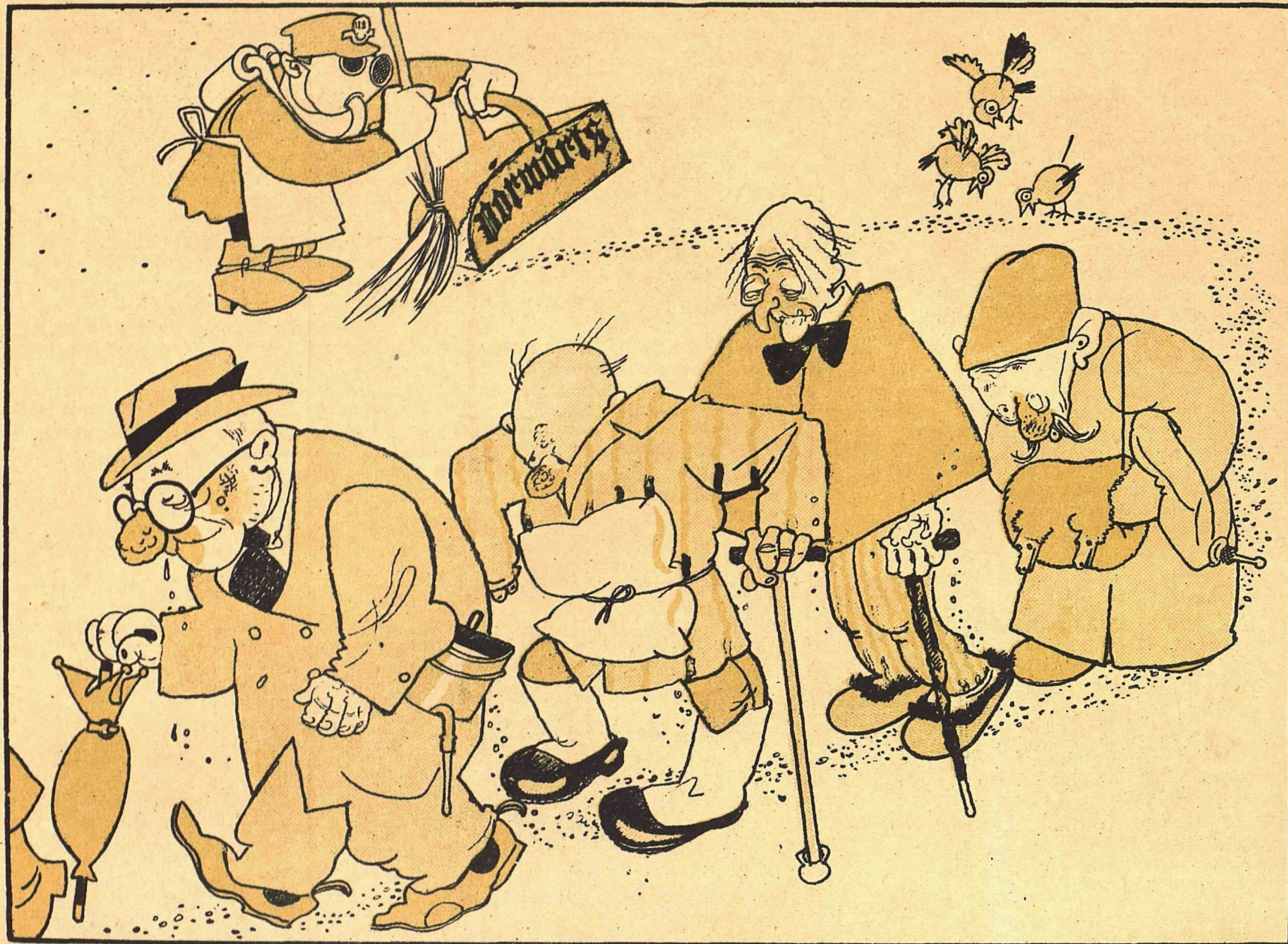
БУДНИЧНОЕ.

Рис. А. Радакова.

— Ты что же, милый, какие сапоги мне продал? Мне же правый сапог—на полноги.

— Ну, что ж... зато левый—на полторы. Хорошие сапоги.

ОЧЕНЬ СТАРАЯ ГВАРДИЯ.

Бывает гвардия, которая умирает, но не сдаётся... Не то с ЭТОЙ гвардией. Она давно сдалась, а умереть не хочет.

ДОХОДНАЯ СТАТЬЯ.

Сотрудник газеты «Красный Набат» Громадов—он же Бурав, М. Г—в, Удав и Гуськов—вот семь лет, как в номере газеты, посвященном годовщине Октября, пишет: «Улица в эти дни». На улице в эти дни сам он не был ни разу, но писал уверенно и с чувством:

— «Еще накануне улицы залиты ярко-красным кумачом. По улицам, переулкам торопятся, бегут демонстранты. А улица похожа на большую реку, волнующуюся от сотни миллионов собравшихся людей. Рокошущее море. Плакаты, знамена, музыка, автомобили. Приветливо смотрят на собравшихся и весело забубенисто улыбаются им нарядные дома и солнце. Дети давно в грузовиках. Из их юного горлышка несется мощное ур-р-р-а. Обыватель, как и всегда, внимательно рассматривает каждую надпись на знаменах, плакатах и бурчит что-то злобное. Бурчи, бурчи, а на зло тебе каждый дом горит Октябрем. И каждый малыш твердит громко и убедительно:

— Сегодня Октябрь, завоеванный отцами.

Ночью беспрерывно песни — «Мы красные кавалеристы» и «Распустила Дунька косы». И звезды в эту ночь кажутся пятиконечными нашими красными звездами. И звезды в эту ночь радостно, приветливо подмигивают Республике Труд — СССР».

Через пять дней рабкор Рашпиль прислал письмо в редакцию «Красный Набат», где, сообщая, что у них в заводском общежитии протекает крыша, и жена старшего мастера каждое воскресенье на казенной лошади на рынок ездит, в конце писал:

«Очень странно. Вот уж восемь лет я читаю вашу газету, и что же выходит? Каждый год в номере от 8 ноября печатается одно и то же, а именно в статье «Улица в эти дни». И в прошлом и в позапрошлом там начиналось — «Еще накануне», и теперь опять. И в прошлом и в позапрошлом обыватель, как и всегда: бурчит—и опять бурчит. И в по, и по, и позапрошлом эта статья кончалась: «звезды кажутся пятиконечными», и в этом году, при мирном строительстве они опять так кажутся.

Пусть редакция объяснит, почему это так? Или нарочно?!

Зав. отделом рабочей жизни, прочитав эту корреспонденцию, вызвал к себе Громадова:

— Что же это вы, голубчик, а? Одно и то же печатаете?

— То-есть, прошу яснее?

— А вот «Улица в эти дни»? Вот уж восемь лет вы повторяете одно и то же. Слово в слово. Я сверял.

— Не может быть!

— Не верите? Вот вам комплекты.

Через полчаса Громадов радостно докладывал зав. отделом:

— Ага, говорил, что ничего подобного. Говорил, что этого не может быть. Так на-те, вот читайте: в 1920 году у меня — «улица похожа на море волнующееся... рокошущая река»... А в 1925 году вот — «улица похожа на большую реку... и рокошущее море». В 1922 году — «ночью беспрерывно песни — «За власть Советов» и «Смело, товарищи», в 1923 г. — «Мы молодая гвардия» и «Как родная меня мать», а в 1924 г. — «Мы — кузнецы» и «Чумчара», а в 1925 г. — глядите-ка, глядите-ка — «Мы — красные кавалеристы» и «Распустила Дунька косы». А вы говорите, — одно и то же.

Б. Левин.

НАШ ПАНОПТИКУМ

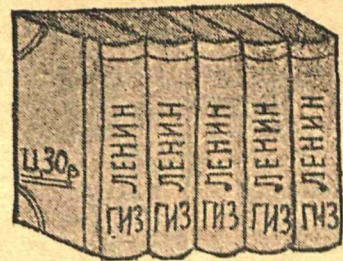

КАРАБАНОВСКИЕ ПАНЫ. (Ф-ка «III Интернационала», Карабаново, Владим. губ.).

Пан № 1. Язык, которым старший в каландром отделе, Кузьма Борисов, зря треплет, обкладывая рабочих всякими прозвищами. Его же рука, которой он, при записи, скашивает рабочим выработку.

Пан № 2. Милиционер, без которого нельзя ходить к председателю кооператива Денисову ни за какой справкой, иначе выгонит. А при-дешь с милиционером — зубами заскрипит, а справку даст. Потому уважает советскую власть. Вообще, ценный работник.

ЩЕДРЫЙ ГОСИЗДАТ.

Полное собрание сочинений В. И. Ленина, предлагаемое ГИЗ'ом за 30 рублей. А вот что выходит на поверку:

По заказу № 149608 прислано 15 книг, за которые взято 28 р. 25 к. Полного собрания еще нет. Заказчик в ужасе.

По заказу № 149674 прислано 22 книги, за которые взято 38 руб. 30 коп. Полного собрания еще нет. Заказчик в ужасе.

У ГИЗ'а таких заказчиков — полмиллиона. Крокодил в ужасе.

Л. Копецкий.

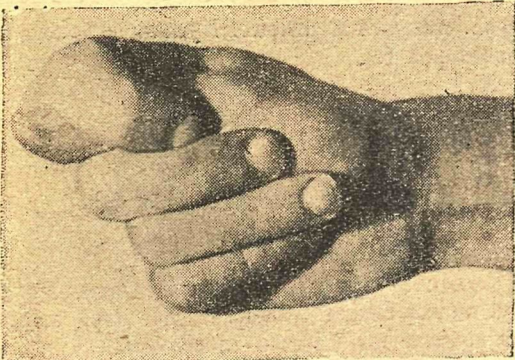
ТАИНСТВЕННЫЙ СТУЛ.

(Москва, 3-д им. Владимира Ильича).

Стул, стоящий в кабинете завпроизводством и обладающий таинственной силой, т. к. на нем не может усидеть более 3—6 месяцев ни один завпроизводством.

Перемените стул, пожалуйста!

Столяр.

НЕ ХОЧЕШЬ — НЕ ЕЗДИ.

В этом размере оплачиваются командировки служащим Рождественской вол., Троицкого уезда, Ленинградской губ., едущим по казенным делам. А почему? А потому, что этот вид оплаты сметой не ограничивался и имеется в любом количестве. Что же касается денег, то они сметой предусматривались, но давным давно израсходованы на поездки ответработников.

С. В.

КОГДА МИЛИЦИЯ СКУЧАЕТ...

Из этого ружья сотрудник каменец-подольской милиции Д. Кирко бьет собак, лишая заработка местных собачников и изумляя население. Может быть, не знает назначения ружья—зачем оно вообще нужно?

Мы вот не знаем назначения гр-на Кирко. Зачем он вообще нужен?

Каменчанка

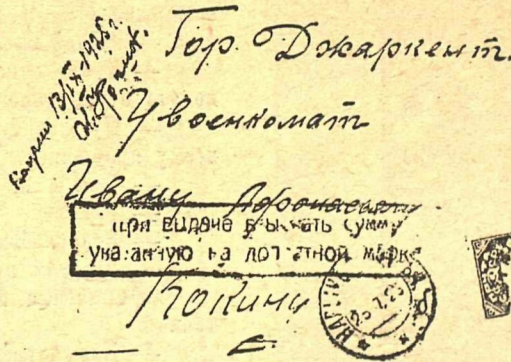

НЕПРИЯТНОСТИ С ВЫВЕСКОЙ.

Бесприютная вывеска, которая за последние 4 месяца переменяла три места и собирается переменить и четвертое. Неумолимый перст, укома РКП уже указывает ей на стены двухэтажного здания, где первый этаж занят пивной ЛЕПО.

Видимо, уком рассуждает, как в популярном анекдоте: — «Мой орган. Куда хочу, туда кладу».

Л. К.

СОРОК ДВА МЕТРА В СУТКИ.

Письмо это из гор. Нарына в г. Джаркент (около 500 верст) шло 15 суток. Ну, это чорт с ним, пусть. Почта у нас еще не вся воздушная.

А вот почему оно из Джаркентской п.т. конторы в Джаркентский увоенкомат, к адресу за 1½ версты, шло тридцать шесть суток? Именем Наркомпочтеля, почему???

Ф. Попов.

УКОМ И УИК—ПРИ СВОЕМ МНЕНИИ.

Место, которое бросалось в глаза участникам I вышневолоцкого с'езда сельских врачей с представителями ВИК'ов и сельсоветов. Это место должно было быть занято представителями Укома и Уика, но, как видите, осталось незанято. Что-ж, с'езд этот — вещь неважная, обойдется...

Может, вообще работа в деревне — вещь неважная? А товарищи из Укома и Уика?

ЧУТКИЙ СЛУХ.

(Завод № 11, ст. Гривно, Моск.-Курск. ж. д.).

Ухо администрации завода — настолько чуткое, что оно слышит звук сигнального звонка, который оповещает о пуске мотора. Счастливые люди, которых так одарила природа! Из рабочих никто таким слухом не отличается, и они робко просят: нельзя ли вместо детского бубенчика установить честный, слышный звонок?

А. Абраменков.

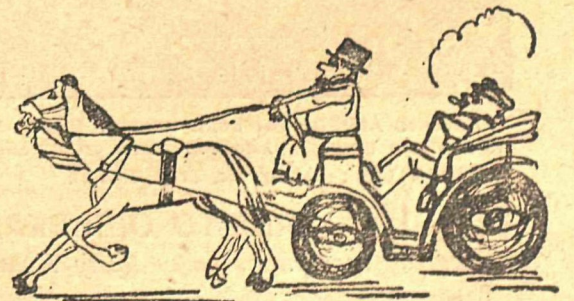
Идентам „Трудовой Правды“.

сентября, ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ КОРОВ „Трудовой Правды“ приглашаются члены редколлегии стенных газет коры предприятий и учреждений. 1) Окураторы о революционной законности. 2) Отчет 1) Перевыборы Бюро. 4) Разное.

ДО ЧЕГО ДОВОДЯТ СОКРАЩЕНИЯ.

Вырезка из извещения, помещенного в газете «Трудовая Правда» (Покровск, Немкоммуна). Из него явствует, что в газете имеются коровы, приобретенные к общественной деятельности.

Не они ли составляют извещения?

БАРИНОМ.

(Селищенский сахзавод, г. Корсунь, Киевской губернии).

Так называемый «рабочий экипаж» — парный выезд, на котором тов. Твердохлебов торжественно выезжает на село для выполнения партобязанностей.

Эх, миляга! Лицом ведь надо к деревне, а не экипажем.

Ган

АМЕРИКАНЕЦ:—Вы ведь нищие, у вас ничего нет. На какой же почве возможно наше сближение с вами?
ВНЕШТОРГ:—А вот на этой самой.

ЧЬЯ-ТО ОШИБКА...

(Казанскому и свердловскому Дому Крестьянина посвящая)

В парадную дверь губернского «Дома Крестьянина» степенно вошел посетитель.

Посетитель как посетитель, — с бородой по пояс, с кошной волос на голове, в яге из собачьих шкурок, в плешивых разлапых валенках. Словом — самый обыкновенный крестьянин.

Вошел, сдернул шапку, огляделся, вытер усы и, носом почуввав запах жаркого, двинулся вперед.

Швейцар, все время следивший недреманным оком за посетителем, вскочил и, забежавши мелкими шажками, загородил дорогу.

— Ку-уда? Одетым нельзя! Не велено! Сымите, дядя, ягу. Не приказано в верхнем платье.

Мужик потоптался, усмехнулся, крúтнул головой:
— Дык, парень, как я ее сыму.... Рубаха у меня грязная и портки худые. Понял?

Швейцар упрямо стоял на своем. Швейцар победил. Собачья яга очутилась на вешалке, а владелец ее осторожно, боясь поскользнуться, направился в столовую, придерживая на ходу худые штаны.

Полная, румяная официантка в белом кружевном переднике, скорчив презрительно-веселую гримаску, подлетела к необычному посетителю, звонко стуча высокими баблучками.

— Вам чего, гражданин?

И задорно подмигнула окружающей «чистой» публике.

Вздернув повыше штаны и щурясь от яркого света, крестьянин смущенно крикнул:

— Да нам пообедать бы. С утра, можно сказать, маковой росинки..

— А деньги есть?

— Есть немного. Хватит.

— Ну, платите вперед. Вон касса. А то много таких вас ходит. Придут, наедят-напьют, а потом получай, с кого хочешь.

И, оставив посетителя размышлять, официантка вихрем полетела на ступе чьей-то ложечки о стакан.

Крестьянин постоял, подумал, направился-было к кассе, потом вернулся и сел в уголок под пальмой, досадливо ворочая корявыми пальцами длинную бороду.

Официантка раз десять шмыгнула мимо него, искоса поглядывая, — заплатит или не заплатит? Наконец, остановилась и с улыбкой сунула в руки бородачу карточку.

— Это что?

— Выбирайте, какое вам блюдо.

— Нам пообедать бы... Полчаса уж тут сижу..

— Вот я и спрашиваю: что вам дать на обед? Читайте карточку.

— Да, мы, как сказать... неграмотные мы...

— Ну, давайте — я прочту. Первое: суп пейзаж.

— Ась?

— Суп пейзаж, говорю. Ну?

— Супу похлепать можно... А этот пейзаж—рыба, что ли, какая?

Птица? Этого мы не употребляем.

Официантка прыснула в белоснежный передник:

— Вот серость какая! Прямо, даже интересно. Суп пейзаж — это одно кушанье, а не два. Это название такое. Супы бывают разные: суп ризото, суп с фрикадельками, с вермишелью, просто консоме, консоме с гренками, есть еще суп потофе, есть..

Официантка захлебывалась своими кулинарными познаниями.

Бородач тоскливо смотрел на ее белый передник и, наконец, не выдержал:

— А щей кислых у вас нету? Я бы щец грешным делом похлебал.

— Кроме супа пейзаж — ничего нет. Порционно — можно. Только это очень дорого.

— Ну, давай, язви его... пейзаж. так пейзаж... Мужичье брюхо ко всему привычное. Только поскорей бы.

— Так. А на второе что?

— Ась?

— Второе блюдо какое будете кушать?

— Да там принеси, чего побольше.

Официантка подавилась смехом, прикрывшись обеденной карточкой.

— Блюда все одинаковые, гражданин!

— Ну, а коль они одинакие—так и спрашивать нечего. Людей только голодом моришь. Тут кишка кишке кукиш кажет, с утра, можно сказать, не жрамши. А она язык чешет. Танци — и все тут!

Официантка покраснела, оглянулась, обидчиво переступила с ноги на ногу.

— Прощу не выражаться, гражданин! Тут вам не постоялый двор. Привыкли там, у себя. Я вас толком спрашиваю: что вам подать на второе? Отвечайте и не задерживайте. Я тоже человек служащий. Ну? Что вы берете? Шницель по-венски, антрекот, форшмак, ростбиф? Ну?

— Ну, давай этого вот... с маком который. Да поскорей только.

— Платите в кассу девяносто копеек.

— Сколька-а?

Бородач даже руку к уху приложил.

— Девяносто копеек в кассу. Глухой вы, что ли?

— Я-то не глухой, да ты, должно-быть, белены обелась! Это за что же такие деньги?

— За обед. И прошу вас не выражаться.

Бородач заморгал глазами, встал, засуетился и торопливо достал из-за пазухи ушастую шапку.

— Ах, язви вас!.. Не туда, знать, попал! Ах, растащ твою! А?

И, постучав по столу костлявым, узловатым кулаком, он уставился виновато на румяное официанткино лицо:

— Не туда, вишь, попал. Ты уж прости меня, старика. Мне, вишь, какой-то хлюст там сказал, что это «Дом Крестьянина». А я по неграмотности и поверил. Вот, ведь, случай какой...

Рис. И. Малютина.

1. Украшение улиц.

— Да, это и есть «Дом Крестьянина».

Бородач лукаво прищурил глаза, и в прокуренной махоркой груди что-то заклокотало:

— Ну, ну! Будя шутки шутить. Посмеялись над стариком—и будя. И так из-за ваших шуток не жрамши, как шут гороховый, просидел час цельный.

И вдруг, разозлившись, он сердито оттолкнул официантку, рванул кверху штаны, смачно сплюнул на блестящий пол и заспешил к выходу.

— Шутники, лзви вас в душу!

В. К.

3. Торжественные заседания.

НЕРЕДКИЙ СЛУЧАЙ.

На партсобрании керченской городской организации после доклада о недостатках работы в деревне выступил член президиума райкома тов. Фиктулин.

— Товарищи,—начал он строго.—Очень многое можно сказать о недостатках нашей работы в деревне. Но я лично хочу коснуться вопроса нац'работы. У нас абсолютно ничего не сделано в этом направлении. Между тем, как директивы же центра и последний парт'езд особенно обращают внимание партии по этой линии. А у нас до сих пор, как это ни позорно, по этому вопросу даже не создана комиссия. Товарищи, к чему лишние слова? Каждому ясно о необходимости создания такой комиссии. Ее нужно как можно скорей организовать и поручить срочно наладить нацработу в деревне..

— Правильно... Верно... Давно пора!...—кричали с мест.

— Итак, возражений нет о создании таковой комиссии? — спросил председательствующий. — Нет. Значит, поручить...

— Дайте слово.

— По какому вопросу?

— Справку. Эта комиссия уже давным-давно существует. И сам Фиктулин состоит в ней членом.

— Ну?! Неужели?—удивился Фиктулин. — А я и не знал!.. Вот уж, действительно, век живи—век учись...

— А членом комиссии, не подозревающим о своем членстве, помрешь,—добавляет пословица.

2. Шествия.

КНИЖНЫЙ УГОЛОК.

(Книги, поступившие в редакцию для отзыва)

ЯЗЫКОВ. Брехология. Руководство для проведения производственных совещаний.

«КЛОПЫ». Тяжелая народная драма во многих действиях. Рекомендовано для постановки в общежитиях.

«ПИСАТЕЛЬСКИЙ ЗУД». Драма т. Луначарского.

ПОЗВОНОЧНИК. Научно-медицинское исследование гибкости позвоночника у животных и у людей, состоящих на службе. Приложение: высший разряд — беспозвоночные.

НАША АРХИТЕКТУРА. Сборник планов и проектов для постройки воздушных замков. Необходимое руководство жилищкооперативам.

ДНЕВНИК БЕЗДЕЛЬНИКА. Исповедь члена ревизионной комиссии.

«ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ». Новые басни и анекдоты.

СУКНОВЕДЕНИЕ. Пособие для газетных работников.

ВЗЯТКА У ПЧЕЛ ТРУДОВЫХ. Вполне естественное знание для молодых соработников.

ВИАМЫ В БОК

ЗОЛОТЫХ ДЕЛ МАСТЕР.

Зампред Джетысуйского ГИК'а Бусаков получил по постановлению ГИК'а 150 рублей в виде ссуды по случаю кражи у него «предметов первой необходимости», как написал он в своем заявлении на имя ГИК'а. Оказалось, что украли у него золотые вещи: портсигар, кольца и часы.

Хотя Бусаков и получил деньги на восстановление украденного портсигара, но нам все же кажется, что его дело—табак, так как после этого случая часы его (не золотые) сочтены.

О КАНАВАХ В КАНАВИНЕ.

Весной 1925 года одну из главных улиц гор. Канавина, Нижегород. губ., привели в порядок; очистили от грязи, насадили тополя и даже тротуары отгородили от дороги хорошенькой изгородью. Прошло лето и вдруг... изгородь сломали, деревья вырубали. Оказалось, что весенние строители не сговорились с осенними, которые решили проложить здесь трамвайный путь.

Какое же это Канавино и без канавок? Вот и роют помаленьку. Говорят, что ни одно дело без ухабов не идет. Ну, а если ухабов нет, их вырыть можно.

О ГОСПОДАХ И ТОВАРИЩАХ.

Пришли вновь поступившие студенты в канцелярию Нижегородского университета за справкой и по простоте душевной назвали управделами «товарищем», в ответ на что услышали грозное:

«Здесь для вас товарищей нет».

Ну, а раз нет, нужно, чтобы были. Пускай наробраз об этом позаботится. А то, действительно, странно: советский университет и ни одного товарища. Согласитесь, господа, что это не дело!

НЕ ХОРОШО КАК-ТО!

Вокруг ветеринарного пункта в гор. Лисичанске, Артемовского округа, Донецкой губ. навалены большие кучи павшего скота, которые способствуют дальнейшему распространению эпидемии.

Скоты лежат дохлые; которые еще ходят—заражаются. А люди-то там вообще есть на ветпункте? Или их, может быть, среда заела?

АППАРАТ АППАРАТУ РОЗНЬ.

Член правления потребсоюза г. Троицка, Уральской области, т. Княжев страдает манией величия и любит всюду свою фамилию выставлять. В международный день кооперации он выпустил стенгазету, в которой поместил на первом месте свой портрет. Где-то внизу, в углу Княжев все-же нашел возможным поместить также... портрет Ленина.

Мы тоже напечатали бы с удовольствием портрет т. Княжева, но наши фотографии отказываются его заснять. Больно большой человек—Княжев, никаким аппаратом, его не снимешь.

Снять, впрочем, его все-таки можно... кооперативным аппаратом (областным).

ЗВЕЗДАДУЛИ.

«Звезда Алтая» от 30/IX крупным шрифтом сообщает:

«Японские коммунисты с рабочими Китая расправляются мечом и огнем».

Несчастливая это звезда. Если так дальше пойдет, то как бы ей не закатыться...

КРАСИВАЯ ЖИЗНЬ.

Из протокола заседания старостата одногодичных промышленно-экономических курсов при Белорусском государственном университете:

«Слушали: Доклад завкурсами, профессора Якунина, о дисциплине и внутреннем распорядке курсов.

Постановили: Всеми силами и мерами, не исключая предложенных завкурсами, вплоть до исключения из нашей среды товарищей, не поддающихся исправлению и вносящих диссонанс в жизнь наших курсов, — бороться за проведение в жизнь в наших же интересах всех мероприятий для создания необходимой обстановки к продуктивному использованию дорогого, но короткого срока нашей учебы, чтобы каждый окончивший курсы мог смело смотреть в жизнь, чувствуя себя получившим основные знания для самостоятельной и ответственной работы.

Что касается авторитета курсов, — постараемся совместными усилиями красиво и прочно достроить Дом Науки на фундаменте, заложенном нашими предшественниками, неся еще выше знамя курсов, чтобы по нас равнялись другие и другие... Наш призыв — как одна семья, будем идти дружно в ногу, создавая необходимые условия работы для ее продуктивного и легкого выполнения».

Да еще, чтоб по ним „равнялись и другие!“ До чего жестокие там курсанты!

ВЫСШЕЕ НАКАЗАНИЕ.

Выписка из заключения судебно-медицинского осмотра гражданина Шкарупа, Козьмы Семеновича, произведенного врачом С. В. Кутузовым:

«Как рассудительный старик, Шкарупа чувствовал, что он в тягость семье, и меру к пресечению жизни избрал — утопление».

Врач Кутузов забыл еще упомянуть, что гр. Шкарупа не принял во внимание своего происхождения. Может, сбавил бы тогда меру наказания?

НАСЧЕТ ИДЕОЛОГИИ.

Школьный совет школы 9-летки в гор. Козлове выдает всем учащимся такие справки:

Дана сия справка окончившему в 1925 году т. (такому-то) в том, что он, будучи хорошо развитым и пропитанным пролетарской идеологией, и т. д.

Козловские товарищи, сообщите нам, пожалуйста, состав, которым вы пропитываете ваших питомцев. Мы вот в Москве сколько времени бьемся, а еще пропитали далеко, далеко не всех. Идеология — она вещь сурьезная, и далеко не такая питательная, как это кажется козловским учителям.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА.

Газета „Новый Путь“ № 282 пишет:

«В ночь под 26 сентября, в хуторе Хвощеватом, Вейделевской волости, волки совершили вооруженный набег на овец».

Их счастье, что они напали на овец. Налети они на молодцов из редакции „Новый Путь“, те бы не растерялись, а сразу навели бы строгость:

— Разрешение на ношение оружия имеете?..

ЧЕЛОВЕК С АДРЕСОМ.

Председателю Шадринского окрисполкома, Уральской области, Сивкову Александру Федоровичу, переведенному на другое место, верноподанные сотрудники преподнесли тиснутый в типографии адрес с соответствующими украшениями и перечислением его заслуг.

Заслуги, действительно, большие: он ухлопал 6.000 руб. на ремонт забора гор. сада, в то время как на ремонт всех школ округа отпущено всего 20.000 рублей.

Как бы Сивкову совсем другой адрес преподнести не пришлось...

ЗЕРКАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ.

При пуске зеркального завода (Константиновка, Донбасс) в момент литья стекла собрались рабочие, пожелавшие поглядеть, как начнет работать долго стоявший гигант.

Но зав. заводом Адамович набросился на стоявших рабочих и прогнал их с завода, оставив наблюдать пуск завода только конторщиков, бухгалтеров и привилегированных завкомщиков.

Зеркальной чистоты человек этот самый, Адамович. Бойтся, как бы «чернь» не запачкала завод. Чистка — она в таком деле вообще вещь полезная, тем более, что только Адам когда-то был один, а Адамовичей нынче много.

ПОСУДИТЕ САМИ!

Уполномоченный Донецкого ОКРЗУ по семсуде Кузнецов приехал в Шепетовку и вместо того, чтобы явиться в сельсовет, пропьянствовал с крестьянами два дня, а на третий явился снова пьяный в сельсовет, откуда был собственноручно изгнан председателем Фокиным.

Фокин сделал правильно. Пьяный человек никого семсудить не может. Только его могут: судить.

Но судить об этом дело не наше, а местного прокурора.

ПРОФСОЮЗНЫЕ КУЛИНАРЫ.

Владимирский губотдел союза строительных рабочих замучил своими анкетами низовые ячейки союза, которые, из-за обилия анкет, лишены возможности заниматься работой. В недавно разосланной анкете есть такой вопрос, 22-й по счету: Бывает ли обед и ужин? Что на них готовят: щи с мясом, или рыбой, на второе каша с салом или что другое?..

Каждому губотделу лестно послать лишнюю анкету... Каши салом не испортить!

ПЛАНЫ, ПЛАНЫ И СНОВА ПЛАНЫ.

Средне-Сибирский округ связи затребовал у Бийской почт.-телегр. к-ры план ее здания на предмет производства ремонта. Выслали. Весной 1925 г. по требованию вновь выслали еще 3 плана. Снова затребовали план. Снова выслали. Завхоз почтово-телеграфной конторы размножил планы на стеклографе и теперь при каждом запросе посылает одну копию.

Говорят, что добрыми намерениями вымощен ад. Не были там, не ручаемся. Но что стены канцелярии Средне-Сибирского округа связи можно сплошь заклеить планами—это не реклама, а факт. Пожалуй, еще чего доброго, их скоро с Госпланом путать начнут.

УПРЯМЫЙ НАРОД.

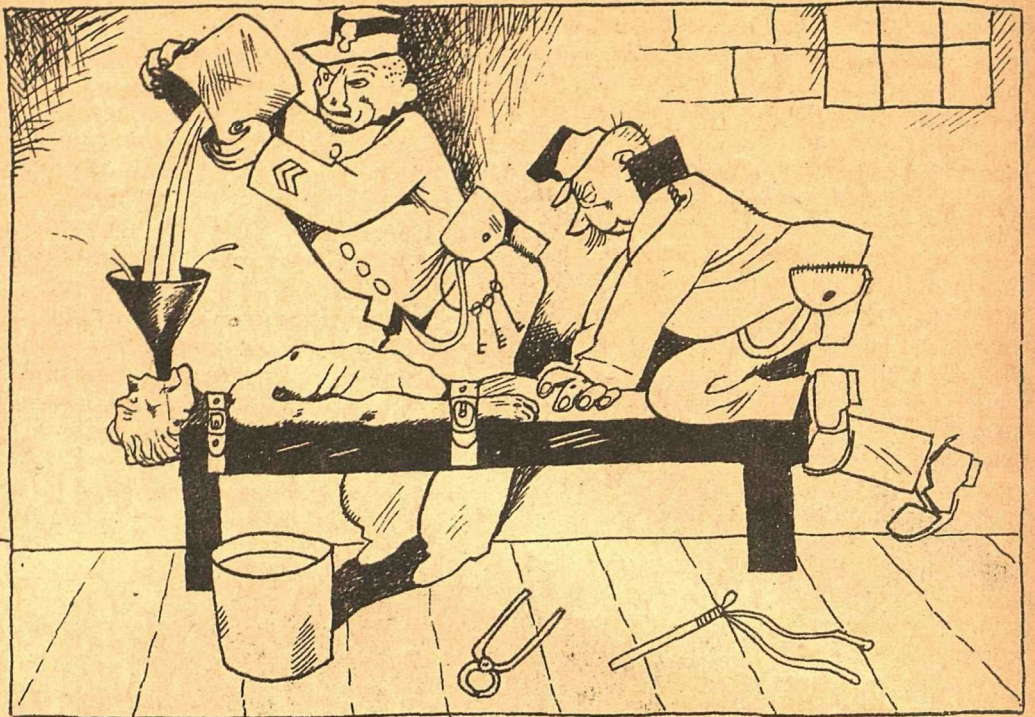
Рис. К. Елисева.

ЧЕМБЕРЛЕН (с возмущением): — Странные люди, эти безработные... Жить им негде, есть им нечего, платим мы им все меньше — а их становится все больше.

— А что, поручик, наши рабочие празднуют как-нибудь Октябрьскую революцию?
— Они пытаются, ваше превосходительство.

КАНДИДАТ „ЦЕНТРА“.

— Что ж, граждане, можно и начинать, — обведи глазами переполненное помещение сельсовета, произнес представитель ВИК'а.
— Просим, просим!.. Все собравшиеся.. Вон, глухой дед, и тот пришел. Ты чего, дед, прилепился?.. Нехай сидит, не трожь деда.. Начинать, товарищ!.. Боле никто не придет, в полном сборе..
— Итак, граждане, от имени нашего ВИК'а объявляю открытым. Вкратцах останавливаясь на международном и внутреннем, сообщая, как водится, что на буржуазном Западе идет ущемление трудящихся, а мы зато будем жмать международную буржуазию. И, если враг трудящегося населения эс-эс, еще раз эс и эр на нас жмает, то мы слотим свои стальные ряды как на внутреннем фронте и на внешнем, на котором — привет нашей доблестной Красной армии, что стоит на страже. Так будем стоять и мы на страже, чтобы международный враг трудящегося встретил достойный отпор по своему гарантийному пакту в целях стремления..
— Господи исусе!.. — послышалось из первых рядов.
— Гражданка, не встревайте, как доклад по международному. А потому, товарищи-граждане, если нет никаких предложений, то примем мой доклад к сведению и приступим, по инструкции оживленных советов, к перевыборам. А что касаемо перевыборов, то вот мое предложение от имени ВИК'а: во главу сельсовета предлагаю Усыпкина. Усыпкина, которого вы все знаете и который есть человек золотой.
— Усыпкина не надо ба-б! С киперативом-то больно, неададно, идеал.. Куды ж такого!..
— Удивляюсь, товарищи, возражениям. Конечно, при нынешнем оживлении, может, и в губернии разрешается, а только не по существу. С киперативом было не у вас, а в соседнем епе, и вас не касаемо.
— Нас, оно, конечно, слабо касаемо.. Но только, как проворовавший он, Усыпкин-то..
— Вот чудак народ! Не у вас украдено, не вам и трепаться. У вас украдет, тогда и кройте. А ежели не по существу, то я должен даже остановить нападки..
— Вам с бугра видней.. Конечно, как не наше крадено.. А только пьяница он лютый. Семь ден на неделю пьян, не поймешь, когда и похмеляется..
— Опять не по существу. Первое дело — пьяный проспит, дурак никогда. Второе, — по нонешним временам который человек и не на выборной должности, и то пьет, а ему, как говорится, сам бог велел..
— Правильно, товарищ, зря все это!.. Почему человеку не выпить?.. Только вот рука-то у него больно загребуца: без куренка ай без утенка и не приходи, — спину покажет.. С мертвого, и то берет!.. С исправником легче было!..
— Ну и ну! — развел руками докладчик: — жалованьишко-то его какая? С ней проживешь разве? Попробуй-ка ты! И сравнит, прости господи, с исправником! Энтот сколько получал и сколько этому положено было? А вы говорите!
— Жалованьишко, что и говорить.. На его не проживешь.. Ды только вот—горластай! На бабов шумит — почем зря! И мужику не уважит, конечно, когда и пнет в сердцах, а с бабами — страсть, что делал! С одной аж родимчик прикинулся, — с уголька сколько прыскали!..

— Братцы, а народ-то у нас какой? Нешто с таким народом похорошему можно? И баба опять же. Ведь она, баба-то, всю голову задурит, а у него, у Усыпкина-то — слабая голова, сами знаете...
— Голова у его праховая, это ты верно. Дрянная голова, что говорить зря!.. С него не спросишь, чтобы толком что...
— Значит, возражений нет? И правильно! Всем миром выбирайте Усыпкина, потому без него вам — зарез, и от центра я командирован, поддерживая кандидатуру..
— Чижало, конечно, без Усыпкина, а только как его из партии поперли, оно и недовою..
— Ну, это ты, брат, брось! Про партию не моги. Тоже, партийный выискался! Среди вас, может, контра есть, а я молчу. Да и из партии вышибли, — может, из-за склоки или там из-за оживления.. Вам это не дадено обсуждать..
— Правильно, товарищ, беспартийные мы..
— Значит, возражений нет? Голосую: кто единогласно за Усыпкина, то прошу поднять руки!.. Ну, чего ж заснули-то?! Подымай, говорю! Ну!! И что за народ пошел.. Кажется, и возражений не было, а вот — на, поди!
Докладчик вытер пот со лба и начал:
— Вкратцах останавливаясь на международном и внутреннем..

Вл. Павлов.

НАРКОМЮСТУ.

(Внеочередной романс).

На шумном с'езде меж ветвей
Он песню пел и все внимали ей.
Он пел, как нежный соловей,
А кончил—„курской аномалией“.

Ол. Тв.

ПРИМЕЧАНИЕ:

— Почему „курской аномалией“?—спросит возмущенный читатель.—Причем здесь аномалия? Что здесь отклоняется?
— Законопроект о браке отклоняется, дорогой читатель. Оттого и аномалия.

Рис. Ю. Г.

Ч У Д О.

— Эх людишки-людишечки, перестали вы преждевременно в чудеса верить и очень занапрасно. Человек доживет — умрет. И дерево сто двадцать раз расцветет и тоже умрет. А чудеса на свете не переводятся отнюдь. И вот в ознаменование доказательства расскажу вам нижеследующую историю и не с простым человеком, а с партийным по всей принадлежности.

Росту тот человек хоть был и длинного, но как это в некоторых журналах шутовали, — сложения в нем никакого не было, а, можно сказать — сплошное вычитание.

В грудях с легкими — тяжелые делшки. Окончательно сказать — таберкалез, в сердцах — пороки, ну и желудок кавказского ремонту требует.

В ногах у человека того будто и ничего. Ноги как ноги, а вот поди-ж ты — и ноги всеобщий саботаж тянут, валится человек с ног.

Дохтар тут при нем печально туда-сюда головой покачивает:

— Очень, мол, плох этот человек!

Плох, плох!

Сам-то дохтар хорош, — нет чтобы человеку больному самовнушением подсобить.

— Вставай, мол, проклятьем заклейменный. Выше зная мировой революции!

Да разве они, дохтара, что-нибудь в марксистических лозунгах понимают.

— Плох, плох... да пилюлю, да капсюлю...

Только разве таковому больному пилюлей пособишь? Одно раздражение желудку...

Тут в самый раз чудо и вышло...

Лежал себе партийный человек, похрахтывал по больному обычаю:

— Ох... ах... конец, видно, пришел моему партстажу!

Когда в самый тот час получается из районного комитета путевка за номером:

— «С получением сего предлагается вам лично срочно и совершенно секретно в порядке партийности выступить с докладом на пленуме по случаю международнойности».

Прочитал больной путевку, и градусник из-под мышечек — в одну сторону, компресс — в другую сторонку. Обулся, оделся, портфель прихватил и — айда путевкой-дорогою на пленум для доклада. Доложил, а уж ему промеж записочек с мест — новую путевочку подсунули:

— «С получением сего предлагается повернуться вышеозначенным лицом до подшефной деревни, лично срочно и с докладом».

Доклад за докладом, путевка за путевочкой. Не то что лечь — сесть тому больному человеку недосуг. Так и крутится, так и вертится. Кажись, лег бы и в одночасье помер. Нет, нельзя: держится в порядке партийности и дисциплины, остается на етом свете.

Разве не чудо?

И что мне особенно удивительно, — то это голая словность заявления партийных товарищей, что чудеса вообще по случаю материализма отменены.

Хорошо-с.

А вышеописанное что есть, как не чудо? Порассудите вы сами, дорогие граждане, люди, людишечки!.. Л Митницкий.

О КАРАМЕЛИ, СЕЛЬСОЮЗЕ И ТАИНСТВАХ НАТУРЫ.

Человек жив не о едином хлебе. Так говорили еще в старину. И это совершенная правда, которая может быть отнесена ко всем людям, в том числе и к крестьянам Ульяновской губернии. Крестьяне Ульяновской губернии, вместе со всем населением Советского Союза, не прочь воспользоваться скромными благами жизни, какие им дарит укрепление советской экономики. К примеру, за чайком побаловаться конфеткой не слишком дорогого сорта.

Кооперация идет, так сказать, навстречу Сызранский сельпромсоюз на принадлежащей ему кондитерской фабрике творит великое дело смычки и вносит свою лепту в виде изготавливаемой карамели, недорогой по цене, но приемлемой по качеству. Хорошо? Даже очень.

Вот тут и начинается заковыка.

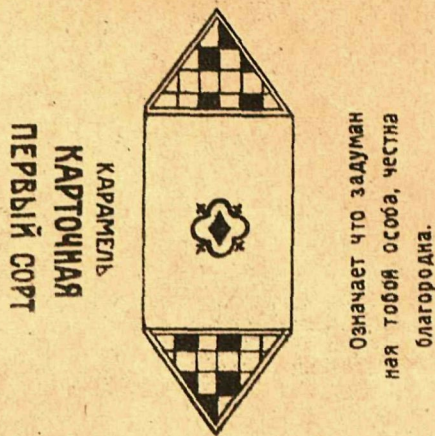
Карамель надо завернуть в бумажку. На бумажке необходимо наляпать картинку. Сельпромсоюз садится и тяжело думает. Мысли упористо ворочаются в его непривычной голове.

— Мужик карамельку купит? Купит. Бумажку развернет? Развернет. Прочитает? Обязательно. Что же ему, корявому, на этой бумажке написать?

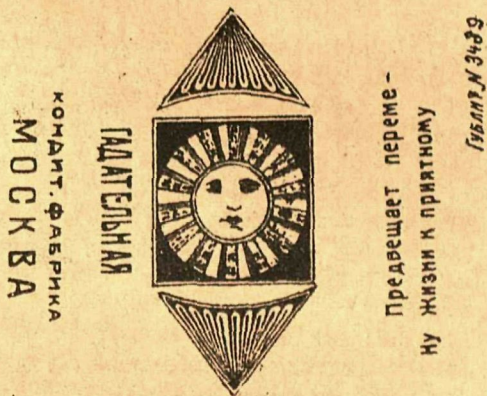
Сложный процесс мышления протекает туго, но последовательно.

— Если бы он был нэпман, то надо дать бумажку «Финь-Шампань», или, к примеру, «Амбир-Наполеон». Но мужик есть трудящийся элемент. Значит, не годится. Опять же, будь он сознательный элемент, то можно так: «Красная звезда», «Доброхим», либо «Комсомоль-

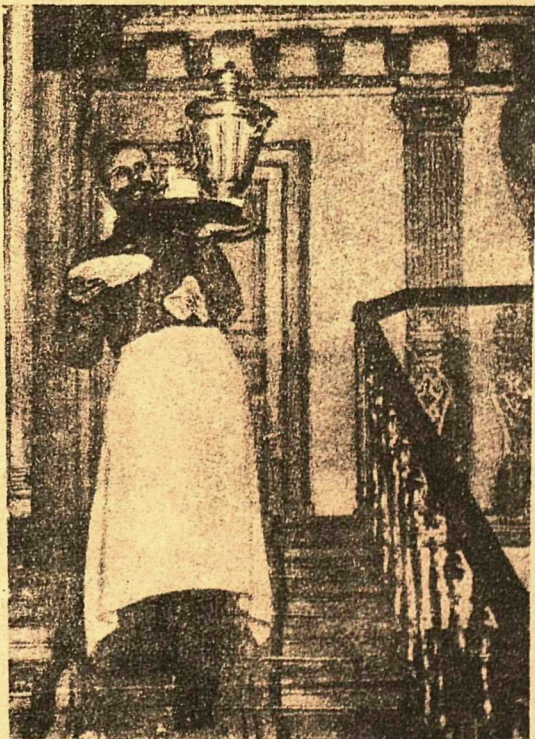
ская». Но мужик — человек темный. Разве он разбирается в политической кон...кон'юнктуре? Его необходимо нужно просвещать, чтобы не блуждал во мраке неизвестности. Пущай по нашей карамели предвидит события в своей жизни. Дадим ему такое:

— Но шутка сказать: «Гадательная!» На чем ему, покупателю, гадать? На картах разве? Ведь ему абсолютно неизвестно, какая карта что обозначает. Что такое туз пик? Ага, не знаешь. Вот получай: «Карточная первый сорт».

ОРИГИНАЛЬНЫЙ СПОСОБ ОХРАНЫ ТРУДА.

Эта фотография помещена в № 10 журнала «Раб. нар. питания». По словам журнала, она изображает «оригинальный способ переноски кипящего самовара, имеющий то преимущество, что дает возможность использовать правую руку».

Редакция принимает благодарности обвирившихся официантов по пятницам. Охраняет труд членов своего союза во все дни, кроме будних и праздничных.

А дальше было совсем замечательно. Дальше был гублит. Мы не присутствовали при том, как в это учреждение принесли задуманные культкондитерские материалы; но предполагаем, что у его сотрудников сельпромсоюзное творчество вызвало припадок восторженного безумия.

— Смотрите, товарищи, — вопил замзав, потрясая проектом, — сколько жизнерадостного творческого сознания, сколько светлой веры в себя и людей несут эти невзрачные обертки в серую глушь деревни! Смотрите: «Гадательная. Предвещает перемену жизни к приятному». А это: «Карточная. Означает, что задуманная тобой особа честна и благородна!» Пишите номер! Тащите печать!

Повторяем — мы не присутствовали при этом взрыве экстаза. Но не сомневаемся, что таковой был. В противном случае чем, кроме временно помраченного сознания, можно объяснить то обстоятельство, что разрешения были даны — одно за № 3489, другое — за № 3402?

Мы уверены, что особа, разрешившая вышеописанные прелести, честна и благородна. Недостаток ее лежит в другой области: она недостаточно умна.

Предвещаем ей перемену жизни к приятному.

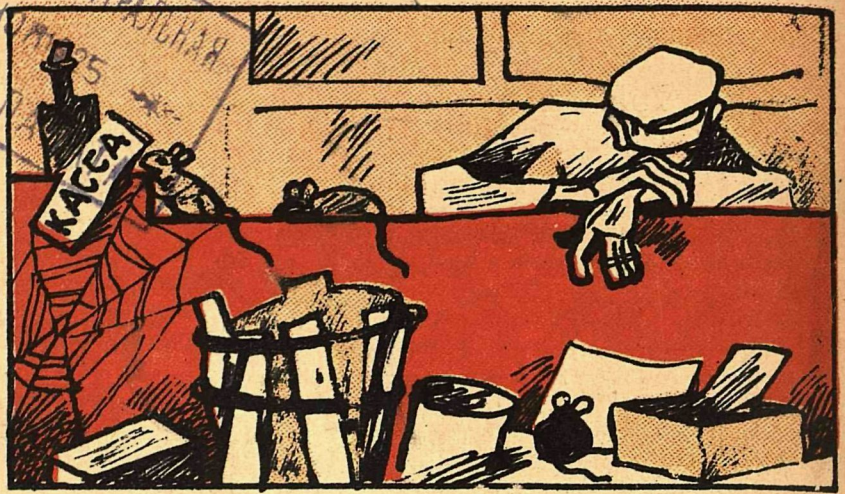
Л. М.

КАКИЕ БОЛЕЗНИ БЫВАЮТ У КООПЕРАЦИИ.

Рис. И. Малютина.

1. Рожа.

2. Чихотка.

3. Запор.

4. Повышенная температура (40°).

5. Сыпь!

6. Водянка.

7. Куриная слепота.

8. Паралич всех членов.